

Vlček, Radomír

## Содержание

In: Vlček, Radomír. *Kapitoly z ruských dějin 18. století : geneze a vývoj ruského impéria*. 1. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 2014, pp. 208-211

ISBN 978-80-210-6930-5; ISBN 978-80-210-6933-6 (online : Mobipocket)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/131147>

Access Date: 22. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

# Содержание

История России XVIII в. представляет собой относительно самостоятельную главу русского исторического процесса. Речь идет о периоде, в котором происходило завершение процесса формирования истинно модернизированного государства с его бюрократическими институтами и опорами, воздвигаемыми на светском и духовном основаниях. Основой этого процесса были реформы, введенные царем и впоследствии императором Петром I Великим, а также шаги, ведущие в начале XVIII в. русскую православную церковь к превращению ее в опору секуляризирующейся государственной машины. Петр не был в русской истории первым, кто стремился к секуляризации, так, например, факт, подтверждающий возможность существования русского государства без действующего патриарха — не опасаясь при этом наступления Судного дня — показал еще предшественник Петра царь Алексей Михайлович, однако Петр несомненно предпринял важнейший шаг: упразднил институт русского православного патриархата и после нескольких лет постепенных изменений в управлении иерархией русской православной церкви заменил ее намного более светским Священным синодом.

Петр Великий был неподвергающимся сомнениям создателем имперской России. России, чьими корнями не была лишь русско-православная Московская Русь, непосредственная предшественница петровской России, но и ряд иных источников, лежащих в прошлом различных народов и народностей в значительной мере взаимоисключающих культурных и религиозных ориентаций, ставших волей судьбы (прежде всего великодержавных устремлений) частью русского имперского целого. Эти ориентации впоследствии проплетались, оказывали друг на друга влияние, создавая специфический характер имперского культурно-цивилизационного лишь в малой мере однородного целого, развивавшегося в последующих столетиях в соответствии с историческим и общественным развитием как внутри России, так и в мире.

Московская Русь находила смысл своего существования в продолжении традиций православной Византии. Для Петровской России этого было уже недостаточно. В духе созвучного эпохе ценностного кодекса Петру необходимо было выходить за границы православного мира, в значительной степени идентифицирующегося со славянской средой.

В этом, конечно, Петр I снова не был первым в русской истории, завершение процесса так называемого собирания русских земель началось еще при Иване IV Грозном. Петр не ограничился лишь экспансией и колонизацией. Для него необходимо было владеть новыми землями и с их помощью встать на вершине мировой имперской пирамиды. Для достижения этого была начата принципиальная модернизация целого русского мира.

Все шаги реформы, предпринятые Петром I, были нацелены на построение мощной и сильной империи. В духе времени для реализации целей реформы сосредоточились в первую очередь на создании сильной боеспособной армии. Для этого Петру необходимы были финансы, специалисты, а также преданные подданные. Целью модернизации было приблизить, но одновременно с этим и отдалить Российскую империю от остальной Европы. Приблизить для того, чтобы сделать новую Россию конкурентноспособной Европе: политически, экономически и прежде всего воински. Отдалить — чтобы сохранить за Россией исключительность, особость и незаурядность, возвышающую ее над остальными государствами своими размерами, менталитетом и чувствованием. Петровскую модернизацию, сложенную из огромного количества конкретных реформных шагов, часто проплетающихся, а также постепенно изменяющихся, развивали все его последователи, царствующие в Российской империи в XVIII в. Некоторые менее выразительно, другие более. Они действовали так главным образом потому, что реформы Петра были всего лишь первым шагом к достижению конкурентоспособности и исключительности русского государства. Многие из того, что предпринял Петр, было необходимо исправить, выбрать несколько иной путь. Один из важнейших русских историков П.Н. Милюков был убежден, что реформы не имели единого законченного плана, а возникали стихийно с выше названными целями. Милюков был прав уже потому, что в результате преобразований Петра не менялась только определенная часть России: политическая система, экономика или право, но действительно все русское общество. Теперь в своей мультикультурности и многоконфессиональности. Собственно говоря в течение XVIII в. родилась новая русская цивилизация, руководствующаяся имперскими принципами и исходящими из них культурно-цивилизационными ценностями. По мере их более глубокого проявления росла самоуверенность русского общества, но в той же мере ее традиционное трагическое отмежевание от якобы вечно вредящей заграницы. В начале столетия произошло изменение идентичности от принадлежности московскому царю к принадлежности императору, личности, не только охраняющей государственное целое, но также и формирующей всесторонне конкурентноспособный мощный культурно-цивилизационный многонациональный своеобразный конгломерат.

Конец XVIII в. на самом деле принес завершение формирования отчасти европеизированной «Российской империи» как авторитарного бюрократического государства, скованного представлениями о своей великости и мощи. Авторитарное правительство было его решающим инструментом для поддержания целостности огромной «русской территории», неравномерно развитых экономически, культурно и социально областей, более, чем ста разнородных национальностей. И «просвещенная» монархиня Екатерина II была убеждена, что если бы произошло крушение авторитарной самодержавной монархии и установление

иной формы политической системы, Россия бы распалась и пришла в упадок. К той же точке зрения пришел и ведущий русский историк начала XIX в. Карамзин, задающий себе риторический вопрос, на который заранее в своем опусе о русской истории отвечает — Россией не может править никакая иная власть, чем неограниченная.

Изменения, происходившие в России в течение XVIII в. не касались лишь политической стороны вопроса. Огромные изменения мы можем найти, например, в русском искусстве, которое в XVIII в. в новом ключе воспринимало человека как звено общества. Ни в коем случае не простого, конечно, человека, а исключительную личность, служащую отечеству. И в этой области стержневым реформаторским импульсом послужила церковная реформа Никона, произошедшая в начале второй половины XVII в. Последовавший за нею церковный раскол был знаком общественного раскола и слабости традиционалистской идеологии. Бунты XVII в. этот кризис только подчеркнули. Петр I стоял перед задачей исправить ситуацию. Путь к этому он видел в усилении государственной власти и в новой ориентации идентичности русского общества.

Хотя последователи Петра во многом продолжали в выбранном им направлении, некоторые проявления реформ, главным образом под влиянием русской и нерусской аристократии, все же менялись. Реставрация петровской модели произошло только во время правления царевны императрицы Елизаветы Петровны, одной из значительных последовательниц Петра. Царевна Елизавета, например, возобновила Сенат, в том числе его титул Правительственный. С одной стороны ее политика расширяла права дворянства, с другой усиливала крепостную зависимость. Во времена правления ее предшественницы Анна Иоановны дворянская служба была ограничена двадцатью пятью годами. За всем это снова стояла экономическая выгода. Если в 1730 г. в России было тридцать металлургических заводов, в 1750 г. их было около ста. В начале 60–х гг. XVIII в. количество населения Российской империи по сравнению с началом века увеличилось на треть — примерный подсчет говорил о двадцати трех миллионах. Из этого девяносто четыре процента составляли крестьяне. В городах жило менее, чем семьсот тысяч жителей, т. е. не больше одного процента.

Во время правления Елизаветы Петровны Россия превратилась в «всего лишь» в дворянскую монархию. Внутренняя политика полностью совпадала с интересами русской аристократии. Конечно, ни в коей мере не индивидуальных родов, как это пытались воплотить Милославские, Нарышкины и другие в начале правления Петра Первого. Государь остался высшим, решающим и самодержавным. Этому отвечало усиление России и за границей.

Политику Елизаветы продолжала и Екатерина II, во времена царствования которой русское самодержавие вступило в свой золотой век. Во времена Екатерины достигло также своего апогея крепостное право. Последствиями

пугачевского восстания стали ликвидация Запорожской Сечи, упразднение казацкого самоуправления на Дону и переселение казаков с Украины на Кубань, в то время русскую окраину. Яицких казаков Екатерина переименовала в уральских и установила над ними полицейский надзор.

Павел I начал с деструкции крепостного права: в 1797 г. он выдал Манифест о трехдневной барщине, запрещающий крепостным работать на барщине более трех дней в неделю, а также в воскресенье и праздники. Путь к отмене крепостного права был в России очень долог. Только в правление Александра I, в 1803 г. был выдан царский манифест, разрешающий помещикам отпускать крепостного, если помещик обеспечит его материально. Однако очевидно, что вершина русского крепостничества непосредственно предзнаменовала его падение. Не является ли этот факт поводом задуматься и над иными сферами деятельности российского государства? Может быть, к дальнейшим раздумьям приведет и констатирование, что при кажущемся консерватизме образ России в течение XVIII в. и следующих за ним периодов значительно изменялся. Конечно, он был построен на прочных основаниях, на мифологизации Петра Великого и его, как утверждается, принципиально новаторских реформах, формирующих новую модернизированную Россию. Из этого вытекал типичный для XIX в. дискурс — славянофиль, отстаивающий допетровскую Россию за ее соборность и традиции, и западники, превозносившие изменения, принесенные в русскую среду без какого-либо принципиального изменения русских традиций Петром Великим. Восприятие допетровской и послепетровской России в резком их противопоставлении проявилось даже в искусстве.